

*Владимиру Валентиновичу Беляеву
с благодарностью за поддержку и понимание
посвящается*

ЮЛЯ

Сложив на столе ладони и упершись в них подбородком, Юлька смотрела на улицу. Письменный стол, за которым она сидела, стоял возле окна, для правильного освещения, когда она работает, да и думалось ей лучше, глядя на неспешно текущую, никуда не торопящуюся Неву.

В мире под названием Санкт-Петербург шел снег. Огромные хлопья, послушные порывам ветра, метались за окном то в одну сторону, то в другую, то ровно падали, как сплошная белая завеса, и ей казалось, что она слышит тихий шорох опускающихся на землю снежинок.

Юля не любила зиму. Сейчас не любила. Она была уверена, что зима — это время для обдумывания жизни, легкого философствования. В тишине и уюте теплой квартиры, в сумеречной, неярко освещенной комнате. Когда знаешь, что на улице холодно и неудобно зыбко, надо обязательно сидеть в удобном кресле и предаваться осмыслению своей жизни, читать классиков, проецируя их мудрые мысли на себя и нынешнюю действительность.

Ничего обдумывать она не хотела, проецировать что-то там и уж тем более ковыряться в себе.

Юлька столько всего передумала, что в мозгах что-то заклинило, какие-то проводки от чрезмерной нагрузки соединились не так, заблокировав умные мысли и правильные выводы, оставив только уже привычную, постоянную, как неизбежный холодный рассвет, боль.

Вчера они встретились с Карелией в кафе. Болтали обо всем, смеялись, как говорится: ничего не предвещало...

И вдруг Кара стала серьезной, задумалась, посмотрела куда-то вдаль и, переведя взгляд на Юльку, сказала:

— Ты живешь в странном мире. В мире, в котором не разрешаешь быть прошлому, не выпускаешь будущее и в котором нет настоящего. Такое случается с людьми, когда они переживают трагедию, что-то вроде анестезии, но это состояние длится несколько недель, ну, может, пару месяцев. А ты зависла в нем надолго. Хватит, Юль, жить не живя, надо двигаться вперед!

— Как?

— Как угодно — правильно, неправильно, но вперед! У тебя такое яркое, жизнерадостное творчество, значит, в тебе есть внутренние резервы, силы, чтобы радоваться. Так реализуй их в жизни, а не только в своих проектах и картинах!

— Я попробую, — ответила, лишь бы уйти от неприятной темы, Юлька.

— Нет! Ты не пробуй — а возьми и сделай! Прямо сейчас! Сядь в тишине, подумай, проанализи-

руй, что мешает тебе идти вперед. Изложи, в конце концов, на бумаге! Напиши историю своей любви, честно, без оправданий, обвинений и желания приукрасить! Напиши, прочти и сожги к чертовой матери! Если не поможет — повтори, еще раз, еще!

— Хорошо! — на этот раз пообещала Юлька.

Карелия всегда права. Она была настолько мудрой, что Юльке казалось порой, что подруга ясновидящая или экстрасенсша какая-нибудь, на худой конец, добрая колдунья. Ну в самом деле, нельзя же быть такой красивой и мудрой!

Юлька обладала чертой характера, которая страшно мешала и часто осложняла ей жизнь: если она что-то обещала, то обязательно делала это, хоть трава не расти!

Тяжело вздыхая от необходимости исполнения данного обещания, она промаялась целое утро, слоняясь из комнаты в комнату, оттягивая неизбежность исполнения. Занимаясь тем же оттягиванием, села за рабочий стол, долго и тщательно наводила порядок на нем, разложив эскизы и наброски в аккуратные стопочки, сдула несуществующую пыль с поверхности и, еще раз тяжело вздохнув, взяла лист бумаги.

Девственно-белый лист лежал перед ней в ожидании, пугая своей притягательностью, словно поторапливал: «Ну, давай, напиши что-нибудь!»

«А что?» — спросила себя она.

Юлька взяла ручку, посмотрела, задумавшись, в окно и решительно ринулась в эпистолярное из-

лияние души, решив писать не раздумывая, а что придет в голову. С лету!

«Каждому человеку кажется, что его страдания, его боль, его любовь самые сильные, самые большие и никто другой и представить себе не может всей глубины переживаемого им. И от этого мы в своих страданиях ужасно и безнадежно одиноки.

Что мучает меня, что не дает жить и дышать во всю силу?

Обида? Непонимание? Или нежелание принять и смириться с той действительностью, которая сложилась совсем не так, как я себе придумала?

Любовь? Что от нее осталось, от моей любви?

Любовь обростает мечтами, желаниями и надеждами, которые расцветивают ее в самые невероятные краски, делая глубже, прекрасней, ярче! У меня были чудесные мечты!

Господи! Какие же красивые мечты были у меня!!! Но они улетели разноцветными воздушными шариками в голубое ясное небо, постепенно уменьшаясь в размерах и растаяв навсегда.

А семь месяцев назад ушла, безнадежно махнув рукой, надежда.

Что осталось у меня?

Только любовь...

Безнадежная, неосуществимая и от этого голая, безусловная. Без всяких условий.

Просто любовь...»

Юлька бросила ручку в раздражении.

— Не могу!

Она сложила ладони на столе, уперлась в них подбородком и посмотрела в окно на летящий снег.

Когда Юлька увидела его первый раз, было лето. Замечательное, жаркое, бесшабашное дачное лето. Июль. Юльке исполнилось десять лет.

Каждый год родители снимали дачу в подмосковном поселке у одних и тех же людей. Большой дом был разделен на две половины — хозяйскую и ту, что сдавали дачникам, в последнюю которую входили четыре комнаты: две на первом этаже, две на втором, отдельная кухня и длинная открытая веранда. А еще они могли пользоваться всем огромным участком вокруг дома. Юлька обожала лето, эту дачу, поселок, своих дачных друзей, маму, папу, их друзей, хозяев дачи и их собаку с прозаическим именем Жулька! Все-все-все, что связано с дачным летом, Юлька обожала!

В мае она начинала по сто раз в неделю спрашивать родителей, не забыли ли они договориться с Ярцевыми о даче. После майских праздников все ее друзья по даче начинали активно перезваниваться, договариваться о встречах и важных летних планах. Дней за десять до отъезда Юлька начинала собираться, и к моменту, когда все необходимые вещи стояли в коридоре и папа давал команду: «Все! Выезжаем!», она уже торчала у дверей и переминалась в нетерпении с ноги на ногу, как резвый молодой конек.

Самым страшным наказанием для девочки было обещание родителей отправить ее на юг, к морю!

Когда ей было восемь лет, родители решили оздоровить дочурку и повезли в Крым, в пионерский лагерь. Юлькины слезы и мольбы не смогли повлиять на их решение. Какой-то знакомый врач настоятельно порекомендовал родителям такой летний отдых для дитя, напугав попутно всяческими ужасами о московской экологии. В те времена это понятие было не в ходу и мало кто обращал на это внимание, но врач, что б ему пусто было, попался «продвинутый», впрочем, как и Юлькины родители.

У папы сердце обрывалось, когда Юлька стенала и упрашивала не отправлять ее в этот лагерь.

— Папочка! Ну, пожалуйста! — рыдала Юлька. — Не хочу я это море, я на дачу хочу!

— Марина! — не выдерживал папа, обнимая дочку и вытирая ей слезы. — Может, черт с ним, с лагерем? Смотри, как ребенок убивается!

— Игорь! — стояла на своем мама, напуганная страшилками о том, чем дышит ее ребенок в течение года. — Так нельзя! Позагорает, поплавает, иммунитет укрепит!

Она забирала дочь из рук мужа, прижимала к себе и уговаривала:

— Юлечка! Тебе понравится. Ты ведь никогда на море не была, а там очень красиво. И ребят много, познакомишься, подружишься!

— Не хочу! — плакала Юлька. — У меня друзья на даче есть, они меня ждут!

С приближением дня отъезда сцены рыданий и уговоров повторялись с большей частотой и насыщенностью Юлькиными рыданиями, уговорами, обещаниями, ультиматумами, ну, по полной программе. Папа готов был сдаться, видя дочкино трагичное лицо, но мама оставалась непреклонна. Она сама повезла Юльку на юг, чтобы сдать с рук на руки и посмотреть лагерь, в который отправляли любимое чадо.

Не сумев разжалобить родителей и добиться своего, чадо поступило другим образом. На второй день пребывания в замечательном лагере (а кто спорит: замечательный, с огромным парком, пляжем, питанием, ну и всем остальным) Юлька заболела. Ее положили в изолятор с температурой сорок градусов. Перепуганная мама металась по врачам, пытаясь выяснить, что за болезнь приключилась с дочерью. Те пожимали плечами — а бог его знает? На простуду не похоже, в море дети еще не купались, может, такая реакция на солнце?

Мама быстро собрала девочку, и в тот же день на самолете они вернулись домой в Москву, где странным образом непонятная болезнь мгновенно исчезла. И уже на следующее утро Юлька оглашала дачные окрестности здоровым криком молодого павиана.

Родители, стоя на веранде дома, наблюдая встречу дочери с друзьями, сопровождаемую кри-

ками неподдельной радости воссоединения, обсудили ситуацию.

— Дурацкая была идея! — сказала мама

— Да, — согласился папа — И врач этот тоже дурацкий! И мы с тобой хороши! Ну что переполошились? Оздоровливается она и здесь, без всякого моря и крымского солнца!

— Нет, ну какова! — восхитилась мама. — Не мытьем, так катаньем! И ведь умудрилась заболеть до температуры! А?

— А ты думала, — рассмеялся папа. — Она же рыжая, вся в прабабку, а та всегда добивалась чего хотела!

— Нет, ты посмотри, куда вся болезнь девалась! Орет, как будто только с пальмы слезла! — и мама звонко рассмеялась. — А все-таки Юлька у нас молодец! Ну, действительно, на черта ей это море сдавалось, если она здесь целый день на воздухе, мы ее с трудом есть и спать загоняем; и речка, и лес, и друзья тут, и дела у них свои всякие «важные».

С тех пор, если Юлька умудрялась схватить пару в школе, или прогулять уроки, или натворить что-нибудь, то последним предупреждением и самым страшным из возможных наказаний было обещание родителей отправить ее летом к морю вместо дачи. И эта совсем уж крайняя мера устрашения способна была приструнить ее надолго.

Было лето. Июль. Стояла жара.

Юльку загнали домой обедать, и она все торопила родителей, расслабленных и несуетных в выходной на даче.

— Ну, давайте скорее! Меня же все ждут! — просила девочка, помогая родителям накрывать стол на веранде.

Она как угорелая моталась из кухни на веранду, кидая на стол вилки-ложки, хлебницу, салфетки.

— Юля, не торопись, все равно, пока спокойно не поешь, никуда не пойдешь. Ты же знаешь! — говорила мама.

— Ладно, — вздыхала Юлька.

Конечно, речка, велики, друзья никуда без нее не денутся, но уж очень эти обеды и ужины мешали грандиозным планам компании, всегда почему-то оказываясь не вовремя.

Юлька торопливо ела, умудряясь при этом рассказывать о проделках, которые они устраивали. Мама с папой смеялись, забыв отчитать дочь за рискованные приключения, солнце шпарило, из радио, висевшего в кухне, доносилась какая-то песня, и в это время...

Юлька, сидевшая за столом лицом к ступенькам, ведущим на веранду, увидела Его и замерла, не донеся ложку с супом до рта, который так и остался открытым.

Он поднимался по трем скрипучим деревянным ступенькам и был похож на древнегреческого бога! Юлька как раз сейчас штудировала книгу «Легенды

и мифы Древней Греции» и совершенно точно знала, как выглядят эти боги!

Капли срывались с замершей на полдороге ко рту ложки и падали в тарелку с супом, обдавая футболку мелкими брызгами.

Время для Юльки остановилось! И куда-то исчезли все звуки. И весь мир куда-то тоже делся.

Она смотрела, широко раскрыв глаза, на самого красивого на свете мужчину!

Вообще-то он был обыкновенным, ну не совсем уж обыкновенным, скорее, очень интересным мужчиной, но тогда он казался ей невероятным, сказочным красавцем!

Что там принц! Принцы это так, ерунда — сыновья королей, которые неизвестно когда сами станут королями, особенно если папаши в добром здравии! Да и хлипкие они, ходят в штанах в обтяжку и в коротеньких (ободранных, что ли?) плащиках на плечах. Юлька сама видела, когда родители водили ее на балет, да и в книгах все эти принцы изображены тоненькими, худенькими. Нет, это не то!

Вот невесть откуда взявшийся незнакомец... Это да! Высокий, большой, даже солнце загородил!

— Здравствуйте! — улыбнулся «бог».

И время потекло дальше, и звуки вернулись: из радио опять доносилась песня, капли, срываясь с ложки, громко шлепались в суп, из-за забора Серега кричал:

— Юлька, давай быстрее!

— О, Илья! — обрадовался папа, вставая со стула.

Он пожал «богу» руку, приобнял его и похлопал по спине.

— Молодец, что приехал!

— Здравствуй, Ильяша! — улыбнулась мама. — Садись скорее за стол.

Юлька переводила взгляд с одного взрослого на другого. Как это родители с ним так запросто? Он же бог!

— Дочка, доедай! — сказала мама

— Здравствуйте, Юля — поздоровался с ней (с ней!) «житель Олимпа». — Наконец я с вами познакомлюсь. Ваш папа про вас много рассказывал.

— Что? — пропищала потрясенная Юлька.

— Да разное! — рассмеялся он.

Мама усадила гостя за стол возле Юльки, поставила перед ним прибор и налила ему суп в тарелку.

— Меня зовут Илья, — представился «небожитель».

— Вы похожи на греческого бога! — выпалила Юлька и уронила ложку в суп, на этот раз вызвав фонтан брызг.

— А что, действительно! — согласился, смеясь, папа. — Кудри, нос с небольшой горбинкой, синие глаза. Похож!

— Юля сейчас изучает Древнюю Грецию, — пояснила мама. — И всех и все сравнивает с оной. Давай, красавица, неси тряпку и вытри со стола последствия своего знакомства с богами.

Юлька быстро-быстро сбегала в кухню, схватила тряпку, вытерла стол, бросила тряпку куда-то